

ТЕАТР И ЭСТЕТИКА

ФРОНТ советской эстетики широк и динамичен. И он становится все глубже и многообразнее. Естественно, что становление эстетической мысли не лишено своих трудностей. Они отчасти заключены в неоднородности источников, из которых эстетика возникает. Ее путь идет либо от философов, либо от практиков искусства. Ее постоянным резервуаром является критика, деятельность которой стала особенно интенсивной после исторического постановления ЦК КПСС о литературно-художественной критике.

Источники эстетической мысли многообразны, но подлинными результатами складываются тогда, когда критическая и теоретическая мысли совпадают. Тогда свое углубление получают как практика, так и теория. Итогом такого благотворного взаимного влияния явилась и книга доктора искусствоведения Ю. А. Головащенко «Многообразие реализма», недавно выпущенная Ленинградским отделением издательства «Искусство». Она составлена из ряда статей, объединенных единой мыслью, хотя сами статьи написаны в разное время. Основная идея, пронизывающая эту работу, заключена в том, что реализм вообще и социалистический реализм в частности не может быть сведен к сумме каких-то правил, что он многообразен и охватывает явления весьма специфические, что в русле реализма расцветают самые индивидуальные дарования.

Мысль справедливая, совпадающая с логикой исторического развития искусства, где в сфере реализма встречаются Пушкин и Гоголь, Бальзак и Диккенс, Толстой и Достоевский, Флобер и Гончаров, Римский-Корсаков и Мусоргский, Репин и Серов, Щепкин и Мартынов.

В книге на ряде убедительных примеров автор анализирует различные явления в истории советского театра. Он показывает, например, в одной из статей глубокое внутреннее единство пьес Корнейчука, Симонова и Леонова, а в другой — особые, исторически неповторимые черты советского балета.

Другой тезис, красной нитью проходящий через все статьи, утверждает необходимость отказаться от понимания реализма как чего-то ограниченного понятием заземленности и простоты. Реализм, настаивает автор, не лишен ни героического, ни патетики.

Сама по себе эта мысль не может вызвать спора. Но с ненужной настойчивостью, по нашему мнению, Ю. А. Головащенко выступил против такого понятия, как простота. Настороженность его понятна. Простота слишком соседствует с опрощением и упрощением. совершенно ненужными в искусстве. И все-таки не следует забывать, что простота и сложность — не просто плоды субъективных устремлений, а скорее выражение тенденций таланта. В XX веке в Америке были два больших писателя — Хемингуэй и Фолкнер. У них были поклонники, которые порой яростно противопоставляли простоту одного сложности другого. Но они забывали, что Хемингуэй никогда бы не смог выжаться с «бабочкой» сложностью Фолкнера, а Фолкнер с «телеграфной» простотой Хемингуэя. Но о том Хемингуэй «По ком звонит колокол» как раз хороший пример патетики и героики в рамках реализма. Настойчивая борьба автора книги с «простотой» вводит в за-

блуждение. Хотелось бы большей точности формулировок, которой требует заявка на решение не только искусствоведческой, но и эстетической проблематики.

Если можно только приветствовать мысль автора о многообразии реалистического искусства, то трудно согласиться с ним, когда на первых же страницах в реалистический ряд включаются и Пушкин, и Корнель, и Блок, и Золя.

Ю. А. Головащенко, по-видимому, кажется, что он воздает справедливость Корнелю и Блоку, делая их единомышленниками Пушкина. В высшем смысле они действительно единомышленники в деле постижения художественной истины, но суть в том, что идут они к ней разными путями. В истории искусства они стоят для нас в ряду гениев, но это гении, порожденные разными историческими вкладами и различными творческими устремлениями. И закономерности, которым они следуют, порождены совершенно конкретными историческими условиями. Прав автор, когда говорит, что у каждого произведения искусства своя мера правды, но правда реализма это не правда классицизма или романтизма. В противном случае историческое рассмотрение искусства не имело бы смысла, а это один из главных параметров его изучения.

Видное место в книге Ю. А. Головащенко занимает призыв к постижению специфики видов и жанров искусства. Это весьма своевременный призыв, ибо начавшийся с романтизма протест против четкой видовой и жанровой градации сегодня дошел до предела, иногда приводя к ничем не оправданному волюнтаризму. Автор прежде всего театральным критиком, и лучшие работы его, естественно, посвящены театру. Театральные портреты А. Коонен и М. Бабановой по праву занимают здесь первенствующее место. Интересы автора необыкновенно широки: и драма, и актерское мастерство, и режиссерская трактовка, и сценическая живопись, и балет. Именно в этих статьях мы сталкиваемся с идеями, которые корректируют некоторые теоретические увлечения автора.

В работах о театре тонко улавливаются и воссоздаются образ спектакля, оттенки эволюции художественных устремлений. «И прежде всего — смена приемов и стиля актерской игры. Красивые модуляции голоса Ю. Юрьева, эффектные движения и позы — в ранних спектаклях БДТ. Но одновременно иные, позже окончательно восторжествовавшие, жизненно достоверные черты исполнения, стиль Монахова. Раньше — романтика красивого зрелища, одухотворенного красивыми чувствами; потом — романтика, почерпнутая во внутреннем мире внешне грубоватых и грубых людей, рожденная вихревой и суровой действительностью, романтика великих надежд и мечтаний о свободе, окрылившая простых, самых обыкновенных». И, оказывается, что логика движения к простоте не только не противопоставлена поэтике героического, но исторически совпадает с ее сущностью.

При спорности отдельных положений автора за книгой встает человек, хорошо знающий советский театр, рыцарски ему преданный. А сам подход Ю. А. Головащенко к явлениям советской театральной культуры глубок и открывает большие перспективы.

Б. СМЕРНОВ